

16+

Я ТЕБЕ ИЗМЕНЯЮ

АМЕЛИЯ
БОРН

Амелия Борн
Я тебе изменяю

«Автор»

2022

Борн А.

Я тебе изменяю / А. Борн — «Автор», 2022

— Я тебе изменяю. Глеб произнес эти слова спокойным тоном, как будто сообщал, что только что сходил за молоком. — Прости, что? Не сдержавшись, я глупо хихикнула. — Я тебе изменяю, — ответил муж. — Ты себя в зеркало видела? Распустилась, перестала за собой следить. Он издевательски хмыкнул и выгнул темную бровь. — Или думала, что так сойдет? Пока я стояла, ошарашенная, ничего не понимающая, чувствующая себя так, будто мне на голову вылили ушат помоев, Глеб повторил в третий раз: — Я тебе изменяю. Да, я не идеальна. Да, набрала несколько килограммов после родов. Но все годы брака стремилась к тому, чтобы соответствовать своему мужу. Пока не услышала три жутких слова: «Я тебе изменяю».

Амелия Борн Я тебе изменяю

– Глеб! Глеб, ты меня слышишь?

Муж возился с розетками на кухне. Это был его... фетиш, что ли? Электричество. Все всегда своими руками, хотя мы были довольно обеспеченными людьми, чтобы нанять мастеров.

– Слышу. Сейчас приду.

Я занималась тем, что изучала варианты прогулочных колясок. Сколько их было! Не передать! И сколько нужно было пересмотреть перед тем, как совершить покупку. Глеба я звала для того, чтобы вместе посмотреть пятиминутный ролик-обзор и наконец выбрать уже то средство передвижения, в котором будет ездить наше маленькое королевское величие, сын Тео.

На этом имени настояла свекровь. Теодор – вот как, по ее мнению, должны были звать внука. Я не была сторонницей моды на заграничные имена. Ничего не имела против, но, по моему разумению, Гораций Иванович или Майкл Петрович, звучало очень смешно. Но я очень уважала Римму Феликсовну, потому в такой мелочи пошла на уступки.

– Что там?

Муж был недоволен. Таким я видела его редко до последнего времени. Однако приступы раздражения все учащались, а я не представляла, что с этим делать. Глеб уставал на работе, я знала это. Задерживался допоздна, иногда выходил в офис даже в выходные. Даже теперь, когда понимала, что займу пять минут его времени, мне было неудобно. Но он ведь был отцом Тео! Он тоже имел обязательства в том, чтобы участвовать в жизни сына.

– Я коляску хочу купить, уже говорила, – ответила, как ни в чем не бывало. – Посмотришь со мной небольшой обзор?

Повернув экран ноутбука к мужу, так, чтобы ему было удобно смотреть, я улыбнулась, изо всех сил пытаюсь сгладить ту неловкость, которую чувствовала в этот момент. Дурацкую, неправильную, чужеродную, но все же неловкость.

– Я тебе изменяю, – вдруг сказал Глеб.

Так спокойно, словно только что вернулся из магазина и сообщил, что не забыл купить молоко. Я моргнула несколько раз, осознавая озвученное.

– Прости, что?

Выдохнула эти два слова и ужаснулась тому, как они прозвучали. Растерянно, но с уверенностью в том, что муж сказал мне чистую правду. Даже хихикнула нервно, переваривая то, что услышала.

– Я тебе изменяю, – повторил Глеб. И прибавил то, что буквально уничтожило меня на месте: – Ты себя в зеркало видела? Распустилась, перестала за собой следить.

Захотелось спрятаться, скрыться, только чтобы он меня не видел такой, какой я и была.

– Или думала, что так сойдет? – продолжил добивать меня муж.

Пока я стояла, ошарашенная, ничего не понимающая, чувствующая себя так, будто мне на голову вылили ушат помоев, Глеб повторил в третий раз:

– Я тебе изменяю.

Ему нужно было донести до меня факт своей измены, а я не понимала, за что он так со мной? За то, что была ему верна все годы, что мы вместе? Да что там, вместе? У меня вообще никогда никого не было, кроме мужа.

Да, он озвучил в целом верные вещи. Я была неидеальной. После родов набрала несколько килограммов, которые можно было скинуть в любой момент, но разве это причина, чтобы сейчас любимый человек смешивал меня с грязью?

– Глеб, я не понимаю... – начала, но была грубо прервана:

– А нечего понимать! – рявкнул муж.

Он не просто злился. Он буквально пылал агрессией. А я задыхалась. Мне кислорода не хватало, и хотелось вдыхать спертый воздух комнаты так, чтобы он хоть отчасти позволил мне дышать.

Спертый воздух... Потому что я давно не проветривала, ведь по словам Риммы Феликсовны это могло привести к тому, что Тео бы простудился.

Почему я сейчас в принципе об этом думаю? Почему имеют значение какие-то мелочи, когда моя жизнь рушится и превращается в ничто?

– Нечего понимать, – добавил спокойнее Глеб. – У меня другая. Она за собой следит, в отличие от тебя.

И снова он целенаправленно бил по самым уязвимым местам. Стыдно стало за саму себя. Стыдно настолько, что затошнило от лишних килограммов, прилипших к бокам.

– Ты хочешь сказать, что мы разводимся? – выдохнула хрипло, а горло перехватило спазмом.

– Почему разводимся? – Муж пожал плечами. – Просто теперь ты в курсе того, что у меня есть женщина.

У него есть женщина. Господи, какой кошмар. Та, с которой он встречается, пока дуражена ждет дома. Та, которую он обожает, хочет... с которой занимается сексом.

Я схватила со стола первый попавшийся предмет, оказавшийся увесистой книгой, и бросила в Глеба. Конечно, не попала, но, увернувшись, муж рассвирепел. Подлетел ко мне, схватил за запястья и впечатал в стену. Ноутбук, на экране которого так и светилась найденная коляска, упал на пол, потому что я зацепилась ногой за провод и потянула компьютер за собой.

Глеб нависал надо мной, а я ощущала себя ужасно неуклюжей и... огромной. Несмотря на то, что именно муж был сейчас тем, кто подавлял.

– Я не останусь замужем за тобой! – выдохнула в лицо Глеба, запрокинув голову. – Не останусь!

– Останешься! – рявкнул муж и, сделав шаг назад, наконец меня отпустил.

Я стояла напротив, дыша так надсадно, что заболели легкие. Смотрела на Глеба и не понимала, за что он так со мной. Что такого я сделала, что муж поступал так ужасно?

– А если решишь развестись, я заберу Теодора.

Выплюнув эти слова, Глеб усмехнулся. После чего сделал еще шаг к выходу из комнаты и бросил мне:

– Я за сыном.

Через пару минут за ним закрылась входная дверь. А я стояла, ища опоры у стены, и мне хотелось только одного.

Умереть.

– Оль, а чего у вас замки все нараспашку? – спросила мама, входя в квартиру.

Охнула, бросилась ко мне, запричитала:

– Господи! Что случилось? Что произошло? Что-то с Феденькой?

Я хрипло рассмеялась. Смех вырвался из горла вороньим карканьем. Феденькой мама называла Тео, не в силах смириться с тем, что ее внука зовут «не по-русски». И как раз приехала, чтобы посидеть с ним, пока мы с Глебом ненадолго сбежали бы в магазин и кафе. Ну... это были мои планы, которые, видимо, теперь уже не сбудутся никогда.

– С Тео все хорошо, мам, – передернула я плечами и, наконец, отлепившись от стены, направилась на неверных ногах к ноутбуку. – А замок открыт, потому что я забыла его закрыть за Глебом.

Моя обычная привычка. Я всегда провожала мужа, он целовал меня перед уходом, а потом я запирала дверь.

Подняв компьютер, который чудом уцелел после пике на пол, я со злостью захлопнула его и, поставив на стол, вдруг поняла – я больше не выдержу.

Из горла вырвался даже не стон – рев раненого животного. Мама испуганно выдохнула и снова бросилась ко мне.

– Оля! Что случилось? Кому мне нужно звонить?

Оклик вышел истеричным, что полностью отражало мое нынешнее состояние. Усевшись на краешек дивана, на котором рядом тут же устроилась мама, я разрыдалась так отчаянно и горько, как будто у нас и вправду случилась какая-то трагедия.

А я ее и ощущала – трагедию. Когда моя семейная жизнь уже была разрушена, но впереди ждали лишь новые потрясения и горечи.

– Так! Я звоню Глебу! – наконец, вскрикнула мама и схватилась за сумку, в которой лежал телефон.

– Не надо! – в ужасе отозвалась я. И добавила чуть тише: – Не надо ему звонить.

– Тогда немедленно рассказывай мне все! Или связаться с Риммой? Что с Федей? Где он?

Я жала ткань простой домашней футболки в пальцах. В костяшках появилась противная боль от того, с какой силой я вцепилась в одежду.

– Глеб поехал за Тео. Скоро привезет... ну, я надеюсь.

Запрокинув голову, я расхохоталась, хотя, звуки, вырывающиеся из моего рта, больше походили на истеричные рыдания.

– Что значит, ты надеешься?

– То и значит! Глеб сказал, что мне изменяет и у него есть другая.

Я встретила с мамой взглядом. В любой другой ситуации выражение ее лица вызвало бы у меня улыбку – настолько ошарашенным оно стало. Я понимала природу этого удивления. Мама души не чаяла в моем муже, хоть во всех наших ссорах, коих до этого момента было совсем немного, и вставала на мою сторону. Но она была уверена, что лучшего мужа сложно найти.

И я была уверена в этом тоже. До этого дня.

– Рассказывай все! – велела мама.

Я слотнула слезы, вновь подступающие к горлу. Мелькающие картинки того, как Глеб все это время врал мне и ездил к другой (а может и не к одной), как она кормила его ужином, а потом вела в постель, вызывали тошноту и желание вскочить и начать собирать вещи. И пусть все суды мира попробуют оставить Тео с отцом!

– Он сказал, что мне изменяет. Что я распустилась и стала толстой. Поэтому у него другая...

– Глупости! Глеб не мог не то, что так поступить, а даже сказать! – вступилась мама.

Я поднялась с дивана и зло посмотрела на мать. Почему она мне не верит? Считает, что я способна на ровном месте придумать такую глупость, а потом рыдать от того, что сама нафантазировала?

– Как оказалось, мог...

Отойдя к зеркалу, я посмотрела на свое отражение. Стало тошно от самой себя, хотя, до этого дня я не придавала такого острого значения тому, что набрала пару десятков килограммов. Да к тому же, была довольно высокой, и, в целом, лишний вес распределился довольно пропорционально.

Так вот почему Римма Феликсовна каждую нашу встречу буквально заставляла меня бросить ночные кормления Теодора? Намекала, что мне пора начать худеть, чего я пока не могла сделать, потому как двухлетний сын должен был получать полноценное молоко?

– Оль... Глеб не мог такого сказать... точнее, причина в чем-то ином. Не в твоём лишнем весе. Да и не верю я, что он от тебя гуляет.

Я хмыкнула, отирая вновь побежавшие по щекам слезы, а мама, встав рядом со мной, обняла меня за плечи и прибавила:

– Нужно подумать, что могло произойти. И не замешана ли в этом Римма.

– Римма Феликсовна? – нахмурившись, спросила в ответ.

Как будто у нас в окружении Римм было с избытком.

– Да. Мне кажется, в последнее время она стала к тебе очень придирчива. Ты мягкая, тебе проще сгладить и сделать так, как нужно другим. Римма всегда этим пользовалась, но по-другому она и не может. Она же у нас королева, – усмехнулась мама, но тут же поджала губы и, отойдя, вновь устроилась на диване.

– А вообще тебе действительно стоит заняться своим здоровьем. – Она вскинула руку, давая понять, чтобы я дослушала, и с жаром продолжила: – Федя уже взрослый, его вполне можно отучать от груди!

– Но педиатры во всем мире и воз говорят, что кормить до двух – оптимально, – возразила я.

Когда Тео родился, мною были перелопачены тонны информации о материнстве. Одна из которых гласила, что длительное вскармливание – залог будущего здоровья для ребенка. И для этого приведены множество исследований.

Конечно, мне хотелось сделать для сына все и даже больше. Я видела, с каким трепетом свекровь до сих пор относится к Глебу, своему единственному сыну. Несмотря на то, что ему уже тридцать семь. Да, она рано потеряла мужа, а Глеб – отца, но причина была далеко не в этом. Для нее это было проявление любви, как и для меня.

– До двух – прекрасно, – кивнула мама. – Феденьке же как раз третий годик только пошел.

Я прикусила нижнюю губу. Последним, что стала бы делать – худеть для того, чтобы муж меня не бросил. Оправдывать чужую нечистоплотность своими набранными килограммами я уж точно не собиралась. И для меня выход был лишь один. Развод.

Но мама была права – мне действительно стоило заняться собственным здоровьем, потому что в последние два года своей жизни я только и делала, что думала прежде всего о муже и сыне.

– Сейчас Глеб приедет, и я с ним поговорю, – решительно сказала мама, поднимаясь и направляясь к выходу из кухни. – А сейчас нужно выпить чаю и успокоиться.

– Но он наговорил мне столько ужасных слов...

Снова захотелось реветь в три ручья, что в целом было весьма закономерным.

– Будем разбираться. Я на твоей стороне, родная, ты же знаешь.

Приостановившись, мама протянула мне руку и повторила:

– А сейчас – чашка успокаивающего чая. И точка!

– Ты ей сказал? – с порога, не успев Глеб зайти в квартиру, спросила мать.

Он инстинктивно нашел глазами сына. Тот сидел на стульчике для кормления и методично размазывал по лицу и столешнице кашу. Возникло дурацкое чувство неудобства перед Тео.

Теодор. На этом имени настояла мама, хотя, они с Олей выбирали между Максом и Романом. Никакими Теодорами в том, как хотели назвать ребенка, там и не пахло.

– Сказал, – мрачно отозвался Глеб.

Увидел удовлетворение на лице матери, разулся и прошел к сыну. Вытащил его из стульчика, понес умыть.

– Ребенок опять перестал есть овощи! – донесся Глебу в спину недовольный голос матери. – Если Оля станет закармливать его тем, от чего ее разнесло до размеров слонихи, он будет кататься по детскому садику колобком!

– Мы сами с этим разберемся! – огрызнулся Глеб и, зайдя в ванную, заперся с сыном там.

Давящее чувство, которое возникало всегда, когда был в квартире мамы, сейчас было особенно острым и тяжелым. Он любил мать. Безмерно. И так же безмерно был ей благодарен.

Отец Глеба погиб, когда мальчику не исполнилось и шести. Но он до сих пор помнил, как тогда переживала мать. Пожалуй, с возрастом он сам начал приходить к пониманию – в словах матери, что он спас ее, а она – его, стопроцентная правда.

Римма Феликсовна была из тех матерей, которые ради ребенка любому глотку перегрызут. И из тех, кто, по ее словам, любят раз и навсегда. Потому после смерти отца она больше так никого и не встретила и всю жизнь посвятила ему, Глебу.

Умыв Тео, который лопотал, перемежая узнаваемые слова чем-то неразборчивым, он промокнул личико сына мягким пушистым полотенцем, на котором было вышито его имя, и повернув ребенка к себе, посетовал:

– Да уж, парень... похоже, я кое-что натворил.

Теодор нахмурился, но тут же разулыбался. По нутру полоснуло тем, что вызывало лишь отвращение к самому себе.

Когда они с сыном вышли из ванной, мать Глеба обнаружилась сидящей на оттоманке в небольшой гостиной. Разумеется, на столике рядом с ней уже был открыт пузырек с чем-то успокоительным.

– Прости, мам, – опустив Тео на пол и убедившись, что тот умчался по своим делам, сказал Глеб. – Я не хотел тебе грубить.

Он устроился рядом и, взяв успокоительное, повертел его в руках. С тех пор, как не стало отца, это был неизменный атрибут их с матерью жизни. Бесконечные скляночки и баночки и заверения, что только они и наличие Глеба рядом дают Римме Феликсовне силы жить.

– Ничего. Я понимаю, ты нервничаешь. Но все делаешь верно! У тебя должна быть самая лучшая жена, а Оля...

По взгляду Глеба, видимо, мама поняла, что продолжать не стоит, потому, поджав губы, замолчала.

– И все же постарайся настоять на том, чтобы она стала давать Теодору много овощей. И пусть уже бросает свои эти бредовые идеи, приведшие к тому, что ребенок до сих пор висит на ее груди! Вычитала она там что-то, ну надо же!

Мать всплеснула руками, вскочила на ноги и, отойдя к окну, взяла мундштук со вставленной в него дамской сигаретой. Закурила, приоткрыв форточку.

– Ты сказал, что сообщил ей о другой. Ну? И как она отреагировала? – потребовала мама ответа непререкаемым тоном.

Глеб поморщился. Покосился на подбежавшего сына, который, как назло, затараторил:

– Мама, мама, мама.

Римма Феликсовна взглянула на внука неодобрительно. А Глеб испытал чувство щемящей тоски. Он знал Олю слишком хорошо, чтобы понимать – сказанного она не простит. Вот только жена ведь ему солгала. Мать видела, как она прогуливалась в парке с Тео, а рядом был другой мужик. И Оля на прямой вопрос, что он задал пять дней назад, глядя ему в глаза, солгала.

– Как и любая нормальная женщина. Сказала, что хочет развода, – пожав плечами, ответил Глеб.

Горечь в душе стала еще более нестерпимой. Может, стоило просто поговорить с Олей и расставить все точки над «i»? И да, он был не в восторге от того, что она так и не стала за собой следить, хотя с момента рождения Теодора прошло целых два года.

– Ну, не велика потеря. Нашего мальчика мы ей не отдадим. Родит себе еще, свиноматки с этим разбираются быстро.

– Мама, не смей! – рявкнул Глеб.

Подскочил с оттоманки, поднял на руки захныкавшего от испуга Теодора. Сын вцепился в него ручонками, Римма Феликсовна схватилась за сердце.

Последний год, даже чуть больше, она то и дело жаловалась ему на Олю. Она плохо выглядит, она много ест. Пару раз даже нагрубил, когда ей дали дельные советы по воспитанию Тео. А один раз и вовсе на заслуженное замечание по поводу пересоленного салата, ответила, что Римме Феликсовне же лучше – останется стройной.

Это, с точки зрения мамы, было неммыслимо. Она постоянно говорила Оле, что та просто обязана извернуться, но сделать так, как хочет свекровь. Ведь она отдала ей самое дорогое. Глеб с этим суждением согласен не был. Никто и никому его не отдавал. Он обожал как маму, так и жену. И эта дележка была для него как серпом по одному месту. Причем дележка происходила преимущественно со стороны Риммы Феликсовны.

Если бы не эта история с мужиком. По описанию – бывшим Оли, о встрече с которым она не просто умолчала, но и солгала.

– Прости, я действительно перегнула палку, – заискивающе улыбаясь, мать подошла к ним с Тео и, потрепав внука по пухлой щечке, добавила: – И не бойся разводиться. У тебя есть я. Теодорушку мы вырастим уж точно. К тому же, твоя Божена...

– Мама, не продолжай! – оборвал Глеб, покосившись на сына.

– Хорошо-хорошо, обсудим потом. Но помни мои слова – мы справимся и без Оли! А сейчас поезжайте домой. И передай жене про овощи!

Быстро одев сына, Глеб обулся и вышел из квартиры. На душе скребли кошки. Какие уж тут овощи, когда сейчас ему предстояло возвращаться к той, кого он смертельно обидел? Впрочем, мама была права в одном – им с Олей уже давно нужно было что-то менять.

Ведь ему и самому не все нравилось в семейной жизни после того, как жена узнала о беременности.

Или Глеб себе это придумал?

Когда послышался звук поворачиваемого в замке ключа, я встрепенулась и вскочила с места так резко, что закружилась голова, а ноги – предательски подкосились.

Не могла даже вспомнить, как прошли последние часы, в сознании остался лишь смутный, призрачный след. Казалось, мама поила меня чаем и все говорила, говорила что-то успокаивающее, обнадеживающее... Так, как это умеют только мамы. А я... наверно, что-то ей отвечала. Но сейчас не могла бы и сама сказать, что именно.

Я практически не воспринимала происходящее вокруг меня. Время, прошедшее с момента ухода мужа и до этого долгожданного мгновения, слилось в одну долгую, затяжную паузу, когда не жила даже – просто пыталась дышать.

– Мама! Мама! – разрезал напряженную тишину кухни радостный голосок сына и я тут же подалась ему навстречу.

Подхватила Тео на руки, прижала к себе... целовала, словно в последний раз.

– Добрый вечер, Анна Николаевна, – услышала краем уха, как муж обращается к моей матери.

И поняла: я того, что сейчас произойдет, просто не хочу. Потому что знаю: это уже ни черта все равно не изменит.

– Здравствуй, Глеб, – сухо отозвалась мама.

Я нервно хмыкнула, уткнувшись в макушку сына. Тяжело ей, должно быть, дался такой тон по отношению к любимому зятю.

– А я вот тут... узнала, что у вас сегодня приключилось. Глебушка, как же так?..

Интересно, какого ответа она от него ждала? Ах, Анна Николаевна, я моргнул – а в следующий миг очнулся уже на ком-то сверху?.. Какая разница, как вообще это произошло, ведь случившееся невозможно ни отменить, ни исправить?

И уж точно я не сумею этого простить.

– Анна Николаевна, вы извините, но мы уж сами как-нибудь разберемся, – холодно откликнулся муж.

Я вскинула голову, услышав, как он отвечает моей матери. Сцепила зубы, увидев, как она растерянно, огорченно прижала ко рту трясущиеся руки. И впервые – впервые за всю нашу с мужем совместную жизнь! – почувствовала необходимость дать отпор. Пойти в атаку.

– Ты своей матери так же отвечаешь, когда она лезет в наши дела? – поинтересовалась резко, с нескрываемым сарказмом. – Говоришь, что мы сами разберемся, когда она в очередной раз советует... нет, диктует, как мне кормить сына, во что его одевать или когда отлучать от груди?..

Муж потрясенно застыл. Только рот открыл, но не выдал в ответ ни звука. Так и стоял, точно выброшенная на берег рыба, и лишь воздух ртом хватал.

А я в этот миг ощутила странную свободу. Свободу говорить, что хочу и что думаю.

– Ну, что там у нас на этот раз? – продолжила тем же тоном. – Принес очередные бесценные инструкции от Риммы Феликсовны? Так давай, огласи их, не стесняйся!

Его глаза впелись в мое лицо тысячью игл – и неудивительно. Никогда прежде я не позволяла себе так говорить о его матери. Но и он никогда прежде не позволял себе так меня унижать. Так откровенно, с таким презрением тыкать в недостатки, которые под его уничижительным взглядом казались мне самой еще страшнее, уродливее, огромнее, словно смотрела на них под увеличительным стеклом.

– Не смей так... о маме, – проговорил Глеб сквозь зубы. – Лучше собой бы занялась! Как с утра ходила в этой старой растянутой футболке, так и ходишь до сих пор! Так ты мужа встречаешь?!

Выпущенная им пуля попала в цель, как ни хотелось мне заслониться от нее напускной храбростью, обманчивым ощущением безразличия...

Я невольно перевела взгляд на футболку, на которую он смотрел с таким отвращением. В глаза кинулось ранее незамеченное мной гадкое пятно – это Тео заляпал меня во время обеда. Стыд прожег с головы до пят, в горле снова скопилась тошнота...

Стою здесь, грязная и растрепанная, почти забывшая о том, что значит быть не просто женой и мамой, а в первую очередь – женщиной...

– Глеб, как так можно! – донесся до меня осуждающий мамин голос.

Я с ужасом поняла, что, похоже, плачу. Беззвучно, стоически, незаметно для себя самой... И все это видят. Мама, муж, и прежде всего – мой сын.

– Нельзя так с женой обращаться, – укоризненно продолжала мама.

И тут Глеб не выдержал. Рывкнул:

– Я же сказал – мы сами разберемся!

Странно, но его агрессия внезапно придала мне сил. Тряхнув головой, я протянула сына маме и решительно произнесла:

– А не с чем разбираться. Я ухожу.

– Чтоооо?! – дружно протянули сразу два голоса.

Я подняла глаза на мужа.

– Ты прав. С этого момента я намерена озаботиться собой и своим здоровьем. У меня, если помнишь, были планы на этот вечер. Думала, проведем его вместе. Что ж... отказываться от запланированного я не собираюсь, просто теперь проведу это время без тебя. А ты... займись сыном.

Я решительно развернулась, чтобы пройти в спальню, но пальцы мужа крепко вцепились в мое запястье, выдавая владевший им ужас.

– Но как же... покормить Тео?

Я пожала плечами:

– Римма Феликсовна права – пора уже отлучать его от груди. Когда сын проголодается – уверена, твоя мать с радостью во всех подробностях расскажет, что с этим делать.

– Но куда ты?..

Голос мужа звучал растерянно, едва ли не отчаянно, и этот звук бальзамом растекался по моей глубоко раненой душе.

– Не думаю, что тебя это касается, – отрезала холодно. – Но если так хочешь знать – я буду наконец делать все, что хочу.

Не без труда выдернув из захвата мужа свою руку, я пошла в спальню, чтобы начать собираться. Чтобы вспомнить, что есть еще иная жизнь, кроме той, в которую я так абсолютно и самоотверженно погрузилась.

А этого все равно никто не оценил.

– Ты какая-то не такая...

Я поймала себя на том, что вот уже несколько минут мну пальцами несчастную салфетку, глубоко погрузившись в свои мысли. Стало неудобно: сама ведь пригласила давнюю подругу встретиться и посидеть вместе и сама же все думаю, думаю о том, а как же там, дома...

Я считала себя хорошей мамой. Во всяком случае, очень старалась ею быть. Благополучие Тео для меня всегда было на первом месте. И потому я просто не могла сейчас не думать: а как он там, без меня? Оказалось куда сложнее выключить в себе мамочку, чем я думала.

– Извини, пожалуйста, – покаялась искренне, с сожалением улыгнувшись. – Первый раз оставила Тео с Глебом одних...

Была, конечно, еще моя мама, но что там случилось после моего ухода мне сейчас и представить было страшно.

На лицо напоззла вдруг сама собой слабая улыбка при воспоминании о том, с каким лицом муж наблюдал за моим уходом. Я постаралась на славу: извлекла из шкафа недавно купленное платье, которое приберегала для особого момента, и кто же знал, что он будет... вот таким?..

Пришлось даже вспомнить, как пользоваться косметикой. После рождения сына я обращалась к своей косметичке нечасто, а, видимо, зря. То, какими глазами смотрел на меня Глеб, словно на незнакомку, ясно намекало, что стоило прибегать к макияжу почаще. И не для него, а для себя самой.

– Так-так, – проговорила, тем временем, Катя. – То грустишь, то улыбаешься... что там у тебя такое происходит в голове?

Я поймала себя на том, что мне не хочется отвечать на этот вопрос. Мешала глупая гордость: все знакомые считали мой брак идеальным, как, в общем-то, и я сама еще сегодня утром. И признаться сейчас в том, как вся моя жизнь в одночасье рухнула, казалось чем-то... ужасно постыдным.

Но вместе с тем, мне все же нужна была чья-то поддержка.

Я помедлила, мысленно выбирая выражения, чтобы не звучать так беспомощно и жалко, как себя и ощущала, но в итоге просто сказала:

– Глеб мне изменяет.

Я ожидала, что подруга удивится. Скажет что-то вроде стандартного: «не может быть!». Но она молчала, задумчиво пожевывая нижнюю губу. И это отчего-то меня пугало.

– Ничего мне не скажешь? – не выдержала в итоге я, мужественно натянув на лицо храбрющуюся улыбку.

Мелькнула даже страшная мысль: а я ведь и не знаю, с кем именно изменяет мне муж. И сколько их вообще? А что, если среди них есть мои знакомые... и даже подруги?..

Руки невольно задрожали и я, чтобы это скрыть, схватилась за бокал с водой.

Катя же наконец подняла на меня глаза и задумчиво проронила:

– Не хотела тебе говорить, но видела Глеба как-то раз с одной расфуфыренной мадам...

Подумала тогда, что они, наверно, просто знакомые. А выходит вот оно как...

– А с чего ты теперь взяла, что не просто знакомые?

– Ну, она на нем тогда буквально висла...

Меня пробила дрожь отвращения. Я разгладила машинально юбку платья, показавшись вдруг себе самой смешной и глупой в этих потугах выглядеть лучше. Привлекательнее...

Но куда мне было до всяких расфуфыренных дамочек?..

– Слушай, а может, по бокальчику? – предложила Катя. – Тебе уже можно?

– Уже – да. И можем даже бутылочку взять.

Мысль хоть чем-то залить, заглушить эту бесконечную душевную боль, была крайне соблазнительной. Нет, я не собиралась доводить себя до ужасного состояния, всего лишь хотела ненадолго расслабиться. Отпустить все то, что давило и уничтожало...

Ужин уже подходил к концу, когда к нам приблизился официант и протянул мне бутылку белого.

– Вам передали от соседнего столика.

Я с удивлением подняла глаза и наткнулась на пристальный взгляд. Мужчина был уже не юн: должно быть, перевалило за сорок, судя по тронутым сединой вискам, но улыбка, игравшая на его губах, была по-мальчишески обаятельной.

– Именно мне? – уточнила зачем-то.

– Именно вам.

В груди заскребло давно забытое, приятное чувство. Нет, я не собиралась вступать с этим человеком в какой-либо контакт, но бывают моменты, когда очень важно почувствовать себя вновь интересной кому-то... и я была благодарна совершенно постороннему мужчине за это краткое, но такое важное ощущение.

– Отнесите обратно, пожалуйста, – попросила, отвернувшись от незнакомца. – Поблагодарите за меня, но принять это я не могу. Идем, Катя.

Мы поднялись и вышли из ресторана. И все то время, что шли к стеклянным дверям, я ощущала на себе все тот же взгляд.

Домой вернулась уже за полночь. Свет нигде не горел, хотя муж нередко засиживался допоздна.

В первую очередь я метнулась в комнату к сыну, в каком-то глупом, но невыносимо остром желании убедиться, что он просто здесь.

Тео спал, трогательно раскинув руки в разные стороны, словно был готов обнять ими целый мир... В груди зародилась внезапная грусть: он так быстро рос и скоро ему предстояло понять, что не все в этом мире заслуживают доверия... даже самые близкие, казалось бы, люди. Я протянула руку, погладила Тео по волосам, желая слепо защитить, укрыть от любых бед и разочарований... И вместе с тем – зная, что все равно не сумею этого сделать.

На ходу расстегивая платье, я прошлепала в спальню, готовясь без сил упасть на постель. И была неприятно поражена, обнаружив, что та уже занята.

Нет, муж был один. Он даже не спал, застыв темной, скорбной громадой в сидячем положении, как-то неловко, неуклюже упершись локтями в колени и положив голову на сжатые кулаки.

Неужели ждал моего возвращения? Но зачем? Чтобы наговорить все те гадости, что еще не успел на меня вылить?

– Что ты тут делаешь? – спросила холодно, пересекая порог комнаты.

Я не видела, но чувствовала, что он удивленно вскинул голову, услышав мой вопрос. Это подтвердили и его слова:

– Это моя спальня...

Я резко качнула головой.

– Это больше не твоя спальня. Я не позволю тащить в мою постель всякую грязь!

Скрипнула кровать: тонко, но надрывно. Это Глеб поднялся на ноги. Я слушала его приближающиеся шаги, не зная, чего ожидать в следующую секунду. А впрочем, и дожидаться не собиралась.

Резко обернувшись, отчеканила:

– С этого момента ты спишь на диване. Не нравится – можешь уехать к матери.

Видимо, мой тон настолько его поразил, что он так и завис на месте безмолвной тенью. А я, преодолев смущение, скинула платье, переливчатым ворохом упавшее к моим ногам. Было стыдно стоять перед мужем вот такой: располневшей, неидеальной, отталкивающей...

Но это ведь все еще была я. Двадцать лишних килограмм не делали меня другим человеком, не делали вторым сортом... И Глебу стоило бы это понять. Как и мне самой.

Окинув мое тело затычным, внимательным взглядом, муж отступил. Дверь тихо притворилась за ним, отрезая нас друг от друга, делая чужими, как никогда...

А впрочем, чужими нас сделало вовсе не это. Предательство – вот то, через что невозможно было перешагнуть. Что невозможно было преодолеть, как какую-то чертову дверь...

И теперь оно стояло между нами всегда.

С работы в это утро Глеб ушел еще до обеда. Когда в десятый раз поймал себя на том, что просто не может сосредоточиться на цифрах, колонках и сводках, которые просматривал по кругу, понял, что толку от него в офисе ноль.

Предупредил секретаршу, чтобы на личный номер переводила только звонки, которые сообщат ему об апокалипсисе, не меньше, а все остальное – переносила на потом. На когда-нибудь.

Всегда собранный и ответственный, Глеб Ланской сейчас не узнавал сам себя. Потому занялся тем, что могло отвлечь от унылых мрачных мыслей – сел за руль и принялся бесцельно колесить по городу.

Тоска разъедала душу и отравляла существование. Он наговорил жене кучу гадостей, которых она, в общем-то, не заслужила. И почему-то ожидал, что после всего сказанного, Ольга не просто отреагирует нормально, но и скажет, что теперь она изменится и сделает все, чтобы быть ему угодной.

Угодной. Да, именно это слово его мать регулярно произносила. Оля должна была стать ему и, в первую очередь, ей, угодной. А он и сам хорош. То, как вела себя Ольга, как старалась для него и их сына, забывая о себе, его полностью устраивало. Но он ведь прожил с нею несколько лет. Он знал Олю если не как свои пять пальцев, то очень и очень к этому близко. И если бы она отреагировала не так, как в итоге вышло, пожалуй, Глеб бы даже... разочаровался.

Нахмурившись, когда позади засигналили, Ланской спохватился, что слишком задержался на светофоре, хотя тот уже горел зеленым, и продолжил свою бесполезную езду.

К матери он приехал через пару часов. Обычно звонил заранее, потому что Римма Феликсовна настаивала на том, что он просто обязан предупреждать о визитах, но сейчас решил действовать иначе. А причина тому была проста – Глеб собирался сказать матери, что теперь они

с Олей будут разбираться во всем сами, без ее участия. Если уж заявил такое любимой теще, то и Римма Феликсовна тоже лезть в их жизнь с женой была не должна.

Когда дверь открылась и на пороге возникла недовольная мать, Глеб испытал чувство неловкости. Впрочем, вскоре Римма Феликсовна расплылась в улыбке и заявила:

– На ловца и зверь бежит.

И пока Ланской, зайдя в квартиру засуетившейся матери, раздумывал, что означают эти слова, ответ пришел сам собой. Сначала Глеб наткнулся взглядом на пару незнакомых женских туфель, а затем и Римма Феликсовна, повысив голос, озвучила:

– У меня в гостях Боженочка. Божена! Глебушка приехал. Ставь третью чашку.

Ланской мысленно взвыл. Во-первых, при посторонних, разумеется, вести ту беседу, за которой он сюда приехал, было глупым. Во-вторых, уж кого он сейчас не желал видеть, так это Божену.

Пока его уверенность в том, что им с матерью нужно поговорить, таяла, словно лед под солнцем, Римма Феликсовна развила бурную деятельность. Взяла сына под руку, проводила в гостиную, где Божена уже расставляла чашки на три персоны.

От Глеба не укрылся тот момент, когда она поспешно убрала в шкафчик бутылку хереса. Он нахмурился, но комментировать это не стал. Мать раньше весьма жаловала этот напиток, но после того, как врач запретил ей строго-настрого даже думать об алкоголе, бросила баловаться. Ну, или так казалось Глебу.

– Глеб, какой приятный сюрприз, – томно проговорила Божена, когда он зашел в гостиную.

Опустилась на оттоманку, положила ногу на ногу. В воздухе витал аромат табачного дыма. Значит, увлекались они здесь не только хересом.

– Здравствуй, – просто поздоровался он в ответ и, когда мать указала на место рядом с Боженой, устроился возле нее.

Она была дочерью какой-то там маминой подруги, которую Римма Феликсовна не так давно встретила на улице и, по удивительному совпадению, оказалось, что у той имеется дочь на выданье. Каким боком Глеб был к этому выданью, Ланской сообразил не сразу, а только когда стал видеть Божену едва ли не чаще, чем собственную жену.

Она ему нравилась. Остротой ума, изяществом. Все казалось, сделай он рядом лишнее движение, и Божена рассыплется, будто была сделана из хрусталя. Они даже пару раз выбрались вместе в театр и оперу. И Ланскому импонировало то чувство, что возникало, когда на них бросали восхищенные взгляды совершенно незнакомые люди.

– Ты к маме по делу? Если нужно, я уйду, – проговорила Божена, в противовес словам, наливая в три чашки чаю.

Глеб ответить не успел. Пока подбирал слова, в дверь позвонили.

– Никаких «уйду», – отрезала Римма Феликсовна, направляясь, чтобы открыть. – Как раз курьер приехал, накроем на стол. Он и так безбожно задержался!

Пылая негодованием, мама вышла в прихожую, которая с того места, где сидел Глеб, просматривалась прекрасно. И когда распахнула дверь, Ланской замер на месте.

На пороге стоял вовсе не курьер.

К Римме Феликсовне прибыла Анна Николаевна собственной персоной.

Вообще-то, Анна Николаевна всю свою жизнь была весьма миролюбивой.

Напрасно, наверно. Вот и дочь свою приучила терпеть и сглаживать углы, не лезть в конфликты там, где проще было уступить...

И вот к чему это все в итоге привело! Сначала – внука обозвали каким-то непонятным Теодором, теперь, видимо, и вовсе собирались известить Олю, доведя до всяких новомодных дюканов и прочих детоксов!

Глеб ей изменяет, подумать только! Ну кто же в трезвом уме такое представит? Никак Анне Николаевне в подобное не верилось. Очень уж домашним, семейным человеком был ее зять. Деньги от Оли никогда по углам не ныкал, как покойный супруг самой Анны Николаевны, Георгий Владимирович, чтоб ему икалось даже на том свете! И в гулянках никаких ранее замечен не был, девок до женитьбы, как перчатки, не менял. Зато карьеру выстроил, сына породил и все ведь так хорошо у них с Олей было!

Нет, что-то тут явно было нечисто в этой всей истории. Все чутье Анны Николаевны, весь ее жизненный опыт, ясно говорили ей: не обошлось тут без чьих-то науськиваний, ясно виднелась женская рука за всеми этими событиями...

И она точно знала, чья именно.

Едва Римма открыла ей дверь, как Анна Николаевна, словно опытный разведчик, живо оценила обстановку. Или, судя по винному запашку, витающему в квартире, даже, пожалуй, обстакановку.

Острый взор Анны Николаевны ясно уловил испуг зятя при ее появлении на пороге. Заметила она и явное смятение незнакомой барышни, устроившейся на оттоманке с видом тургеневской девы. Хотя размер ее выреза намекал скорее на родство с распутницами из какого-нибудь Мулен Ружа.

– Вот это я вовремя заглянула, – подытожила увиденное Анна Николаевна и, не дожидаясь приглашения, принялась разуваться.

– Ясно теперь, кто Ольге дурные манеры привил, – огрызнулась в ответ Римма. – Вас не учили не приходиться к людям без приглашения?

В иной ситуации Анна Николаевна может и стерпела бы такой тон, и даже извинилась, но не теперь, глядя на происходящее безобразие! Нет, она им всем сейчас покажет! Разгонит всю эту ересь, как советские войска немцев в сорок пятом!

– А вас не учили не вмешиваться в чужую жизнь? – парировала Анна Николаевна и решительно протопала напрямик в гостиную, к зятю и незнакомой профурсетке.

– Глеб, скажи ей! – донеслось в спину томно-умирающим голосом.

– Да, Глеб, скажи мне, – перебила Анна Николаевна, – как ты до жизни такой дошел? У тебя дома жена с маленьким ребенком, а ты тут чай гоняешь со всякими развратницами?

– Ах! – тонко пискнула девица, возмущенно подскочив на оттоманке, отчего декольте ее пришло в большое волнение.

– Милочка, у вас вымя выпало, – неодобрительно заметила Анна Николаевна. – Спрячьте, а то застудите.

– Анна Николаевна, вы все не так поняли, – наконец вступил в беседу зять.

Подскочил с места, нахмурился грозно... да только Анну Николаевну такими взглядами было не пронять: от покойного Георгия Владимировича, чтоб ему икалось трижды, она и не такое еще видала. И не в последнюю очередь вспоминая сейчас свою нелегкую с ним жизнь, намерена была не дать в обиду свою дочь.

– Ну так объясни, – милостиво разрешила Глебу, но тот отчего-то не торопился.

Затянувшееся молчание прервал звонок в дверь.

Римма от этого звука подпрыгнула на месте, Глеб вздрогнул, Вымя нервно всколыхнулось, и только Анна Николаевна спокойно, с достоинством повернулась к двери.

– Не откроете, Римма? – подсказала сватье, так и застывшей на месте, что памятник Ильичу.

И с интересом наблюдала, как та трясущимися руками забирает из рук курьера пакет.

– Ой, и что тут у нас? – живо подавшись назад, поинтересовалась Анна Николаевна.

Забрать пакет из ослабевших рук Риммы не составило особого труда. Анна Николаевна сосредоточенно оглядела его содержимое и, вытянув на свет божий огромный и явно дорогой торт, укоризненно поцокала языком.

– Да вы тут сладостями балуетесь? – заметила, покачав сокрушенно головой. – Осторожнее, Римма Феликсовна, а то растолстеете и сын ваш бросит и вас тоже. Он ведь, как выяснилось, человек со строгими требованиями к женскому полу!

От такого заявления Римма аж задохнулась. Замахала руками в воздухе, выпучила и без того выразительные глаза и простонала, точно на последнем издыхании:

– Глеб, мои капли!

Анна Николаевна со смесью сожаления и презрения наблюдала, как зять подрывается с места, бежит к материнской аптечке и... не может найти ее драгоценных лекарств.

– Мама, их нет...

– Ой, умираю!

– Эти капли ищите? – поинтересовалась Анна Николаевна, чуть раньше прихватившая их со столика и теперь махавшая пузырьком в воздухе.

– Плохо мнееее, – продолжала стенать Римма, протягивая то ли к сыну, то ли к каплям руки.

Нет, Анна Николаевна эти концерты никогда всерьез не воспринимала, потому как Римма начинала умирать при всяком удобном случае или в любой неудобной ей ситуации. И все же испытала огромное удовлетворение, когда разжала пальцы и бутылек полетел прямо на паркет, об который и стукнулся с характерным похоронным звуком.

– Ой, как нехорошо вышло, – заметила безо всякого сожаления Анна Николаевна.

По комнате тут же поплыл тошнотворный запах лекарства, оцененный по достоинству меланхоличной обычно болонкой Риммы: резво соскочив со своего пуфика, та мигом принялась слизывать с пола пролитое, после чего резко завалилась на бок.

– Что творится! – запричитала поразительно громко для умирающей Римма. – Глеб, да сделай ты что-нибудь!

– А я даже скажу, что, – любезно добавила Анна Николаевна. – Ты, Глебушка, домой больше не приходи. Оставайся с мамкой – она тебе и попку подотрет, и женщину подложит... А вещи свои у консьержки найдешь. Счастливо оставаться.

Закончив этот, самый, должно быть, длинный спич за всю свою жизнь, Анна Николаевна гордо развернулась и вышла прочь из проклятой квартиры.

И чувствовала себя при этом Гераклом, свершившим все свои подвиги разом. Не меньше.

Мама ворвалась в квартиру как ураган. Я как раз накормила Тео кашей, после чего сын принялся за свой любимый компот. Поэтому зрителей у матери было двое – я, застывшая с пачкой влажных салфеток. И Теодор, забывший, что нужно сделать из кружки следующий глоток.

– Вы переезжаете ко мне! С Глебом я вас больше не оставлю!

Мама выдала эту тираду и вдруг помчалась в нашу спальню. Я проследовала за ней, убедившись, что Тео вновь занялся компотом.

По позвоночнику пробежал ледяной озноб. Глеб эту ночь спал на диване, куда я его и отправила, а утром, пока мы с Тео еще дремали, лежа вместе на кровати (почему-то казалось, что если оставлю сына спать одного, его у меня попросту заберут), уехал на работу.

Обычно мы с мужем созванивались во время его обеда, обменивались короткими новостями, которые никакой особой информации не несли, а потом я дожидалась его вечером и мы уже обсуждали, как и у кого прошел день. Однако за сегодняшний обеденный перерыв Глеб мне ожидаемо не позвонил.

И вот теперь, когда я начала посматривать на часы и ждать, что же произойдет с наступлением вечера, мама сделала мне сюрприз.

– Что ты делаешь? – удивленно воскликнула я, понимая, что она... собирает вещи Глеба.

Причем делает это с таким рвением, какого я от мамы ни разу не видела.

– Я сказала, вы переезжаете ко мне!

– Но это вещи Глеба!

Переваривая то, что сказала мама, я не понимала, что вообще творится. Конечно, никуда уезжать из собственной квартиры я не планировала. Во-первых, потому что здесь был мой дом. Во-вторых, по закону она была наполовину моей. Да, оформлена на мужа, но в случае развода я получила бы половину, ибо брачного контракта с Ланским не заключала. Да и родители помогли нам с покупкой, выделив на нее весьма внушительную сумму.

– А Глеб переезжает к Римме и Вымени.

Мои брови поползли вверх. Что имела в виду мама, я не поняла. Однако она, вдруг разом успокоившись и даже сникнув, вздохнула и пояснила:

– Я была у сваты. И видела там твоего мужа с какой-то... женщиной.

Возникло ощущение, будто мне в грудь вогнали ледяную иглу размером со шпиль останкинской телебашни. Стало больно. Там, где сердце. Глеб действительно мне изменил, а я, как дура, все подспудно не верила в сказанные мужем убивающие слова.

– С какой-то женщиной? – выдавила из себя и схватилась за первую попавшуюся поверхность, оказавшуюся журнальным столиком.

– Оленька, господи... прости ты меня.

Она бросилась ко мне, помогла добрести до кровати, на краю которой мы и устроились. Мне казалось, что внутри в этот момент растекается что-то схожее с выжженной пустыней. Я верила безоговорочно в то, что мне сказала мама. Просто не было повода начать сомневаться, попытаться, искать правду. У Глеба действительно была другая.

– За что простить? – подняла я взгляд на мать.

Она сначала отшатнулась. Видимо, по моим глазам было ясно, что именно владеет мною в данный момент.

– За то, что вывалила на тебя все... вот так.

Я закусила нижнюю губу. До боли, чтобы отрезвиться. И, взяв себя в руки, велела:

– Расскажи все. Я должна понимать, с чем имею дело.

Держалась из последних сил, но именно они мне и были нужны для того, чтобы продолжать жить дальше.

История, прозвучавшая из уст матери, вышла короткой. Она старалась преподнести мне все легко, даже со смехом, однако мне было не до веселья. И Глеб, и та, которую мама обозвала гордым именем Вымя, и даже болонка Лулу, что порой казалась мне гораздо более значимой для свекрови, чем окружавшие ее близкие люди, – все это было таким гомерическим. Не относящимся к моей жизни.

– Ты сказала Глебу, что вещи он найдет у консьержки? – переспросила у мамы, поднимаясь на ноги.

– Да. Но если ты против...

– Я не против! Я только за. И да, мы с Тео переедем пока к тебе. Мне нужно время на то, чтобы прийти в себя.

Через полминуты мы начали собираться. Одежда Ланского взаправду переезжала к консьержке, а мы с Тео – к моей маме.

Я быстро оглядела квартиру, выходя из нее и бросая на окружающую обстановку быстрый взгляд, полный тоски. С какой любовью я обставляла наш с Глебом дом, с каким желанием сделать все идеально бросалась выбирать каждую мелочь, что делала жилище уютным. Тем, в

которое хочется возвращаться изо дня в день. И вот оказалось, что все это никому не нужно. И что можно списать нечистоплотность Глеба на лишние сантиметры на боках его жены.

Смешно. Я ведь сама перебирала в памяти подруг, которые у меня имелись, и понимала, что они нашли бы сотню виноватых в случившемся. Только не Глеба.

Ты растолстела, вот он и ушел.

Ты стала не так краситься.

Ты не дала ему так, как он того хотел.

Все, что угодно, лишь бы выгородить мужика, как будто на него стоило молиться и бить земные поклоны за то, что он вообще на мне женился.

Но я ведь была не такой. Самодостаточная, привлекательная, красивая даже с тем «багажом», что имелся в виде лишних килограммов. Я была личностью, с которой все вокруг обязаны были считаться. И собиралась показать это прежде всего самой себе.

– Готова? – спросила мама, нажав кнопку лифта.

На руках ее восседал Тео, который, судя по всему, воспринял все как приключение. Я же положила одну руку на ручку чемодана, второй – придерживала дверь, не торопясь закрывать ее, понимая, что это отрежет меня от прошлой жизни навсегда.

– Готова! – откликнулась, но запереть замок в квартире не успела.

Двери лифта разошлись в стороны, перед нашими взорами возник Глеб Ланской собственной персоной.

– Не готова, – отрезал он и, взяв меня за руку, потащил домой.

Муж застал меня врасплох.

Я сумела сделать первый самостоятельный вдох и движение только тогда, когда уже оказалась внутри квартиры, которую было так трудно, но вместе с тем – так необходимо, покинуть.

Дверь захлопнулась за нами, отрезая от мамы и Тео, оставшихся на площадке. Оставляя вдвоем в слишком тесном пространстве, слишком интимной близости.

И снова – знакомые стены. И снова – мы внутри них. Привычная картина, расколовшаяся на две части, которые уже невозможно склеить.

– И куда собралась? – грубо, почти зло, поинтересовался Глеб.

От его тона во мне вспыхнул ответный гнев. Какое право он имел говорить со мной так – требовательно, раздраженно, после того, что наделал? Какого черта вообще позволял себе такие интонации, будто я была марионеткой, вдруг вышедшей из-под контроля кукловода?

Пришло горькое осознание: а ведь меня наверняка именно так и воспринимали годами. Что Глеб, что его мать. И всему виной – моя мягкость, моя уступчивость и желание сделать всем хорошо... Зачастую – себе же во вред.

– А ты уже все, чаев напился? – парировала в ответ. – Как торт, вкусный был?

Муж раздраженно выдохнул, выпустил из легких воздух со свистом, полным досады.

– Анна Николаевна все не так поняла.

– Да что ты? А как еще можно понять такую картину? Ты, смотрю, прекрасно устроился, Глеб: мама тебе уже и проститутку сама на дом приводит! А свечку держит? А то мало ли ты не справишься сам, забудешь, куда тыкать?

Я сознавала, что говорю много лишнего, что меня несет на волнах обиды и злости и заносит уже чрезмерно. Но как еще можно было реагировать на все это?

– Божена – не проститутка! – огрызнулся муж.

Стало и смешно, и горько. Я нервно засмеялась, сознавая, что муж выгораживает передо мной постороннюю женщину. Заступается за нее так, как, возможно, никогда не заступался за меня.

Впрочем, для него она, возможно, была вовсе не посторонней?.. А главное – одобренной его мамой. Этакий госстандарт, под который я не подходила, как ни пыталась угодить всем годами.

– А кто, благотворительница? – фыркнула в ответ. – Спит с мужиками исключительно от широты души и прочих мест?

Лицо Глеба заметно перекошило. Показалось, что он сейчас наорет на меня, обложит очередными «комплиментами»...

Тем удивительнее было наблюдать, как он в итоге проглотил свою ярость и сдержанно ответил:

– Она – никто. Всего лишь дочь маминой подруги. Мы пересеклись случайно, она уже была там, когда я пришел.

– То есть изменяешь ты мне не с ней?

Вопрос застал его врасплох. Он так долго и мучительно подбирал ответ, что я ощутила, что даже не хочу его знать. Что бы он ни сказал – а факты оставались фактами. Наша жизнь больше никогда не будет прежней.

Хоть я и не могла отрицать, что до последнего надеялась, что все как-то объяснится, переменится, вернется на круги своя...

Глупо. Нужно было быть полной дурой, чтобы питать какие-то надежды после того, как муж самолично сказал, что изменяет.

Впрочем, это ничего не меняло. Ни моих намерений, ни моей решимости заставить себя уважать. Да, внутри болело, но эта боль делала меня даже сильнее. Прочнее. Решительнее.

– Я подаю на развод, – уведомила мужа.

Снова обвела взглядом знакомую обстановку, уже зная, что на этом точно все.

– Квартиру предлагаю продать. Я здесь жить не буду и не желаю, чтобы ты приводил своих баб туда, где я все обустроивала с такой...

Слово «любовь» буквально застряло в горле, ощущаясь сейчас, как насмешка, как что-то мифическое, чего никогда не было. Поэтому, сглотнув ком, я договорила:

– Туда, где я обустроивала все с такой надеждой на счастливое будущее.

– Развода не будет, – мрачно перебил муж. – Я же говорил уже...

– Это не тебе одному решать, – отрезала сухо. – Мы не в позапрошлом веке живем.

Развернувшись к выходу, я резко толкнула дверь, больше не желая продолжать этот бессмысленный разговор. Глеб мог кричать и грозиться чем угодно, но отобрать у меня ребенка ему будет не так-то просто. Как бы ни пыжился он сейчас.

– Я тебя не пущу, – донесся в спину голос мужа, и его рука вцепилась в мой локоть в последней отчаянной попытке удержать.

Дверь недовольно заворчала, распахиваясь и являя нашим взорам маму и Тео. Мамины глаза тут же устремились к моему лицу и на душе стало легче от того, какое волнение и переживание я увидела в ее взгляде.

Я не одна – и это было сейчас самым главным.

Повернувшись к мужу, я попыталась освободить руку от его хватки. Бросила устало и равнодушно:

– А зачем тебе держать разжиревшую жену? Иди к тем, кто тебя больше радует своим видом. Удачи.

Я сделала еще один рывок и наконец освободилась: от его рук-цепей, и вместе с тем – от пут всего того, то нас связывало еще так недавно.

Я уже нажала на кнопку лифта, когда вновь ощутила движение позади себя.

– Ты не можешь так просто уйти! – с неожиданной горячностью заявил Глеб.

В голосе его читалась растерянность, почти беспомощность. Как у ребенка, внезапно потерявшегося в шумной толпе и не понимающего, что делать дальше.

– Могу и уйду.

Я шагнула в раскрывшиеся двери лифта, но муж протиснулся следом за мной, мешая им закрыться.

Все происходящее превращалось в нелепую драму, достойную какого-нибудь дешевого сериала.

Но тут свою лепту внесла мама, удивив меня в очередной раз.

– Отстань от моей дочери!

С таким суровым выражением лица, какого я у нее никогда еще, кажется, не видела, она грозно замахнулась увесистой сумкой с вещами Глеба, которую мы собирались оставить у консьержки, и от всей души приложила этим грузом моему мужу по ногам.

Он яростно взвыл, невольно отступая от лифта, а мама быстро шмыгнула внутрь, увлекая за собой Тео, и нажала на кнопку первого этажа.

Лифт стремительно помчался вниз, унося меня прочь от прежней жизни.

– Тебе нужно развеяться! – решительно заявила Катя, придя ко мне на второй день моего добровольного заточения.

Ну как, заточения? Я просто сидела дома у мамы, почти никуда не выходя. Едва ела, почти не спала. Та моральная травма, что нанес мне Глеб, только-только давала о себе знать в ее полной мере. С одной стороны, я убедилась, что восприняла этот удар стоически. С другой, понимала – ложь самой себе была уж очень очевидной.

– Я не хочу, – помотала головой и бросила быстрый взгляд на часы.

Мама гуляла с Тео во дворе, а ко мне забежала подруга. Не то чтобы я не была ей рада, но и через полчаса нашего вымученного (с моей стороны) общения поняла, что меня тяготит даже простой разговор. Особенно когда Катя завела беседу про «развеяться».

За два дня, что мы провели у мамы, которая называла это не иначе как возможность прийти в себя, мой муж звонил мне по пять раз на дню. Наше общение в основном сводилось к обсуждению Теодора и моему нежеланию говорить по телефону о важных вещах. Оно выражалось в том, что как только Глеб пытался начать беседу о нашей семейной жизни, я просто вешала трубку.

Пока я и представить себе не могла, что стану делать дальше. Знала лишь, что простить Ланского за то, что он сотворил, буду не в силах. Он перешел все границы, надругался над тем, что было ему дозволено.

Небольшой приятностью мог стать тот факт, что пока жила у мамы, скинула аж целых два килограмма. Но меня это не радовало. Так и рисовалось в голове, что причиной сброшенного веса стали выжженные нервы, которые буквально исчезли. Растворились. И это, мягко говоря, ужасало. А в целом, я не нравилась сама себе. Это была не жизнерадостная Оля, которая во всем видела только хорошее. Это было бледное подобие меня прошлой.

– Никакого «не хочу»!

Катка даже притопнула ногой от возмущения.

– Слушай, мне не до чего, – вздохнула в ответ.

– Значит, надо завести мужика.

Сначала мои глаза округлились, а брови поползли наверх, после чего я запрокинула голову и расхохоталась. Катя терпеливо выждала, пока мой приступ веселья утихнет, и продолжила «вести бой»:

– Зря смеешься. Клин клином вышибают, слышала?

Она присела на край дивана, на котором я лежала и смотрела в потолок, и принялась рыться в своем телефоне. При этом закусил губу и выглядела так серьезно, будто в данный момент как минимум открывала новые галактики.

– Вот! Сайт знакомств! – провозгласила Катька и, подсунув мне мобильник, велела: – Тыкай на первые попавшиеся анкеты.

Я откинула от себя телефон, словно тот был ядовитой змеей.

– С ума сошла? – зашипела на подругу. – Какой еще сайт знакомств?

– Обычный, Ланская, – закатила Катька глаза. – Или тебе не нравится перспектива попереписываться с каким-нибудь мачо, потом встретиться с ним и приятно провести время в койке?

Она стала листать те самые анкеты, и я, скосив взгляд на экран ее телефона, поморщилась.

– Я не хочу никаких коек и сайтов знакомств.

– Будешь киснуть?

К моему облегчению, Катя отложила мобильник и посмотрела на меня с прищуром в зеленых глазах.

– Не то чтобы я настаиваю, Оль. Но я ведь действительно видела своими глазами, как твой Глеб встречался с какой-то бабой, которая разве что в него не встроилась, настолько крепко его держала.

– И что? Теперь нужно ответить тем же?

Я поднялась с дивана и заходила туда-сюда по комнате. Сейчас мне хотелось лишь покоя. Хотя, я и понимала, что это ни черта не решит сложившуюся ситуацию. Но ведь имела право на передышку? Имела право просто заняться сыном и материнством?

Да, многие уже в полгода отдавали детей по всяким яслям и няням и продолжали жить своей жизнью, но ведь я знала, что это неправильно. И что я должна дать Тео всего по максимуму. Иначе зачем я его рожала?

– Перестань предлагать то, на что никогда не соглашусь, – отрезала я, складывая руки на груди. – У меня сейчас нет ресурсов на то, чтобы начать бегать по мужикам.

Я увидела, как Катя собирается протестовать и, вскинув ладонь, завершила этот диалог:

– Нет ни ресурсов, ни желаний, ни потребностей, – отрезала я. – И давай уже ты поможешь приготовить для нас всех ужин. А то я расслабилась и все повесила на маму, а это неправильно.

Договорив, я направилась в сторону кухни, и Катька, вздохнув, через секунду присоединилась ко мне.

Хотелось забыться, раствориться, размазаться в моменте, который прежде доставлял обычное человеческое счастье: вкусный ужин с близкими за одним столом, бутылочка полусладкого, разговоры о чем-то откровенном или совсем неважном...

Я умела получать удовольствие от таких, самых обыденных, в общем-то, вещей. Получала его и сейчас, рядом с мамой и Катей, вот только...

Глупо было отрицать, что где-то внутри меня образовалась огромная дыра. Невозможно было не признать, что в миллионный раз поворачивала голову, ожидая увидеть рядом мужа, порываясь что-то ему сказать, и ощущая укол в сердце всякий раз, как понимала: Глеба тут нет. И не будет. Его просто не должно быть, потому что он сам это выбрал. Выбрал не меня.

Я знала: однажды это пройдет. Кровоточащая рана затянется, превратится в шрам, который лишь изредка будет напоминать о себе. Но сейчас... все было вот так. Я невольно искала Глеба там, где ему больше не было места. Я подспудно, против собственного желания тосковала по тому, кто этого совсем не заслуживал.

Испытала даже некоторое облегчение, когда мы покончили с ужином. Уже убегая, Катя остановилась у двери и негромко шепнула:

– Слушай, я тут вспомнила кое-что... У меня есть один знакомый...

Я едва не взвыла. Ну как она не понимала?!

– Я ведь сказала уже...

– Знаю-знаю, – отмахнулась подруга. – Но если надумаешь...

– Не надумаю, – отрезала решительно, хотя от очередной попытки Кати подтолкнуть меня к тому, что считала отвратительным, даже замутило.

Когда дверь за ней закрылась, я прислонилась к деревянной поверхности и шумно выдохнула. Мама уже ушла спать, Тео давно был уложен, и я в конечном итоге осталась одна.

Простояла так несколько мгновений, а может... часов? Вслушивалась в глухую тишину квартиры, в далекий гул за окном, в ворчание трамваев, движущихся своими путями... и в себя саму.

Что хотела найти – не знала и сама. Просто позволяла себе вести внутренний диалог, чувствовать и... переживать. Испытывать все те ощущения, что гнала от себя обычно, чтобы не развалиться и не расклеиться...

Внезапный стук заставил вздрогнуть, подскочить испуганно на месте. Он раздался так близко, что по спине прошла дрожь, но я не сразу осознала, что это стучат в дверь, на которую я все еще опиралась.

Наверно, Катя. Скорее всего, опять что-нибудь забыла: с ней это случалось постоянно...

Я приоткрыла дверь и постаралась выпалить как можно бодрее:

– Ну, что на этот раз?

Но когда увидела стоявшего на пороге, сердце с грохотом покатилося вниз.

Интересно, кто придумал, что время лечит? Я не видела его два дня, но мне совсем не стало легче. Наоборот: сейчас, когда муж был передо мной, все те чувства, что старательно запиховала куда поглубже, бешено вскипели во мне, взбесились, взорвались, словно один лишь взгляд на него был подобен броску спички в керосин...

Конечно, однажды это наверняка пройдет. Я научусь без него жить. Научусь не реагировать так на его близость... но сейчас мне было больно. И на эту боль я имела все права.

– Что тебе нужно? – выдохнула, осознав, что молчание между нами затянулось.

Глеб качнулся на месте. Я со смесью удивления и брезгливости поняла, что он пьян.

– Нам надо поговорить, – заявил он, тем не менее, достаточно четко.

– Мы и так каждый день говорим по телефону. Этого достаточно.

Он подался ближе ко мне. Я уловила полынно-горький запах того, что он, должно быть, пил, когда Глеб процедил:

– Ни черта. Ты постоянно вешаешь трубку.

– Ты пьян, – проговорила неодобрительно.

– А ты...

Он задохнулся, словно не смог подобрать подходящего слова. Но, судя по выражению лица, это должно было быть что-то уничижительное.

– Права была мама, – наконец выплюнул он. – Ты не подходишь мне.

Он окинул меня взглядом: тем самым, что уже был до боли мне знаком. Тем самым, который я вряд ли когда-нибудь сумею забыть. С такими же глазами муж говорил, что изменяет, потому что я себя запустила...

– Тогда что ты тут делаешь? – откликнулась сдержанно, хотя все внутри ревело и рвалось. – Иди к более подходящей женщине.

– Пришел сказать, что правильно сделал, что тебя бросил!

Его слова били больно, хлестко, резко. Но я едва не расхохоталась, услышав это заявление.

– Иди и пропись, Ланской.

Он стремительно, порывисто притянул меня ближе. Так, что мы едва не стукнулись лбами...

– Думаешь, я пьян? Нет... Я тебе и завтра скажу, что ты подлая, лживая, отвра... Я вырвалась из его захвата. Не собиралась и дальше слушать оскорбления, которых мне уже хватило с лихвой. Которые никогда не смогу забыть...

– Убирайся, – прошипела, отступая вглубь квартиры.

Но он шагнул следом.

– Я не все сказал...

– А я – уже все услышала. Вон!

Но его это не остановило. Он попытался протиснуться следом и мне не оставалось ничего иного, как с силой толкнуть его...

Он пошатнулся, неохотно отступив, взглянул на меня с удивлением...

Я захлопнула дверь.

Темнота обступила меня со всех сторон, укрыла надежным непроницаемым покрывалом...

И я была ей благодарна. За то, что никто не мог видеть сейчас моих слез.

– Ты связался с Коневым? Ну, тем самым, кто должен помочь тебе отсудить Тео? – потребовала ответа мать, когда Глеб приехал к ней после того дня, когда нетрезвым заявился к жене.

Голова трещала, в висках беспрестанно бился вопрос: «Правильно ли он поступает, когда желает получить от Оли подтверждение слов мамы об измене?».

А Римма Феликсовна словно сорвалась и решила пойти в атаку. Беспрестанно говорила ему о том мужике, с которым видела Ольгу. Разумеется, Глеб поверил. У него просто не было повода не доверять родному человеку. И во что это вылилось? В отвратительную сцену, когда вновь наговорил жене неприятных слов.

– Связался, – мрачно отозвался Ланской. – Он постарается помочь.

Глеб и сам не мог понять, почему его так тянет к матери. Будто бы в мире не осталось места, где ему были бы действительно искренне рады. Мало того, он сам приложил к этому руку. И вот он приезжал в квартиру Риммы Феликсовны, а она только и делала, что его накручивала. Не говорила, как ей жаль, что жизнь сына летит к чертям. Не поддерживала. А постоянно с упорством отбойного молотка поднимала вопросы скорого развода, измены Ольги. Ну и обязанности забрать Теодора у этой «ужасной женщины».

– Постарается? – Римма Феликсовна возвела глаза к потолку, и Глебу стало неуютно.

Она столько для него сделала, а он так и не ответил ей хоть чем-то, похожим на благодарность.

– Он сделает, мам, – отозвался Ланской и перевел разговор в то русло, которое ему показалось безопасным: – Ты так и не рассказала мне о визите к врачу. Что он выписал на этот раз?

Я стояла и вертела головой по сторонам. Хотелось сбежать. Сорваться с места и исчезнуть, потому что казалось, что поступаю отвратительно по отношению к Глебу. Тому человеку, который «меня бросил и правильно сделал». Эта мысль отрезвила. Я не делала ничего из того, чего не могла бы себе позволить свободная женщина, которая стала таковой вовсе не по собственной воле.

А именно – я пришла на свидание.

Конечно, не прибудь ко мне Ланской в подпитии и не наговори всех тех отвратительных слов, я бы и думать не думала об ужине с другим мужчиной, да еще и в таком шикарном ресторане, в который он меня пригласил. Однако согласилась на Катькино предложение познакомиться меня с Дмитрием, и вот теперь приехала за двадцать минут до условленного времени и готова была сорваться и сбежать, будто была школьницей, поцеловавшей преподавателя и уличенной на месте преступления.

Мне сейчас хотелось лишь одного – отвлечься от всего того ужаса, в который меня погрузил самый близкий человек, мой муж. Вновь почувствовать себя той, с которой хочется просто провести время. Той, от которой не будут шарахаться только потому, что вес превысил стандартные рамки. Я просто хотела переключиться.

– Ольга? – окликнул меня приятный мужской баритон.

Бежать стало поздно. Передо мной стоял высокий темноволосый мужчина, тот самый знакомый Кати по имени Дмитрий.

– Доб-брый вечер, – чуть запнувшись, ответила я и улыбнулась. – Да, я Ольга.

Ощущала себя при этом дискомфортно. В первую очередь потому, что слова Ланского уже дали свои всходы в виде комплексов, которые он во мне насадил. Казалось, что рядом с высоким и поджарым Дмитрием я смотрюсь чужеродно и нелепо.

Впрочем, это чувство исчезло в тот момент, когда Дима открыто улыбнулся и, подав мне руку, сказал:

– Идем, наш столик нас ждет.

Я просматривала меню ничего не видящим взглядом. Лишь только цеплялась подсознанием за тот факт, что выбираю еду, исходя из желания не показаться обжорой.

Ресторан, в котором мы оказались, был фешенебельным. Мы с Глебом были в таком лишь единожды, когда только начинали встречаться. Впоследствии же предпочитали уютные небольшие кафешки или бары, куда можно было забежать выпить бокал пива после работы.

– Сибас, – наконец, сказал Дима после того, как долгое время изучал меню, поглядывая поверх него на меня.

Под этими взглядами мне было не слишком комфортно, потому приходилось делать вид, что я тоже увлечена блюдами.

– Что, прости? – не поняла сразу.

– Здесь готовят роскошного сибаса. Понимаю, не бог весть какая рыба, но... Будет вкусно, обещаю.

Он отложил меню и, вновь мне улыбнувшись, спросил:

– Или хочешь что-то другое?

Я пожала плечами и, убрав на первый взгляд скромную, но явно дорогую книжицу, в которой был перечислен список предлагаемых блюд, кивнула:

– Сибас, значит, сибас.

Дмитрий выгнул темную бровь и вдруг выдал то, чего я услышать никак не ожидала:

– Ты во всем такая сговорчивая?

Пока же сидела, переваривая услышанное и пытаюсь понять, действительно ли Дима имел в виду то, что мне послышалось в его вопросе, рядом со мной внезапно отодвинулся стул.

Я охнула, поняв, что возле нашего столика нарисовался Глеб собственной персоной. А рядом с ним – изящная девушка, которая показалась невесомой.

– Садись, милая, – велел ей Ланской и когда та посмотрела на него озадаченно, пояснил: – Сегодня компанию нам составят моя жена и ее любовник.

Показалось, что кто-то ударил меня в грудь: сильно, жестко, выбивая из легких весь воздух.

Захотелось открыть рот, жадно вдохнуть, ощутить, что еще способна дышать...

Но я представила, как жалко это выглядело бы. Какое довольство испытал бы Глеб при виде моей растерянности.

Он сидел рядом: самоуверенный, злой, полный неясного мне презрения. Он обвинял меня, хотя сам заявился в это дорожущее заведение с другой женщиной...

С той, кого, видимо, не стыдно было водить по таким местам.

Я рассеянно обвела взглядом ресторан: глаза слепило от его блеска и великолепия. Стало вдруг стыдно и неловко за свой достаточно простой наряд, за каждый лишний килограмм, который, казалось, в свете хрустальных люстр был еще весомее, еще отвратительнее...

Но стыдно ведь должно было быть вовсе не мне! Не я предала брак, в который столько вложила. Не я нашла более подходящего человека на стороне. И не я судила того, с кем прожила много лет, так, словно это был злейший враг.

Гордо выпрямившись, я повернула голову к мужу и насмешливо поинтересовалась:

– Ты что, следишь за мной?

Он фыркнул: слишком громко и поспешно, словно торопился откреститься от одного лишь этого предположения.

– Не льсти себе, – процедил сквозь зубы.

Я улыбнулась.

– Это ты себе льстишь, Ланской, если думаешь, что мы останемся в вашей компании.

Я резко поднялась со своего места и едва не поморщилась от того, как заскрипел по натертому паркету стул. Да и плевать! Главное – оказаться подальше отсюда. От того, кто так цинично, так упорно выматывал мне нервы, бил по больному, искал все новые способы унижить и ужалить.

Я вспомнила о присутствии Димы только тогда, когда он поднялся за мной следом, ясно давая понять, что намерен меня сопроводить.

Но не успели мы сделать и пары шагов, как Глеб выскочил нам наперерез.

– Я тебя не отпускал, – выплюнул он угрожающе.

– А я у тебя не отпрашивалась. Иди, займись своей милой, а то ее, чего доброго, вентилятором сдует со стула, если оставить без присмотра.

Но Глеб словно и не слышал этих слов. Больно вцепился в мою руку, прорычал:

– Ты никуда не пойдешь!

Я уже хотела ответить, когда в наш разговор вмешались.

– Отпустите Олю, – отчеканил Дима тоном настолько спокойным, что стало даже жутко.

– А то что?

Ланской развернулся к нему с самым боевым видом, но руку мою все же выпустил.

Дима внимательно оглядел Глеба, все так же невозмутимо заметил:

– Вам, похоже, давно морду не били. Могу напомнить, как это бывает.

Я пришла в ужас. Перед глазами уже замелькали жуткие картинки драки, но, к моему удивлению, Ланской резко сдулся и отступил.

– Мы еще поговорим, я этого так не оставляю, – поспешно бросил он мне, прежде, чем развернуться и пойти к своей Дюймовочке.

Я тоже не стала медлить: не оглядываясь, направилась к выходу, даже не замечая, идет ли за мной Дима.

Но он шел.

Мы вышли на улицу, в молчании свернули к набережной. Только когда прохладный ветер с реки ударил мне в лицо, остужая разгоряченные мысли, я сумела выдохнуть:

– Ты реально набил бы ему морду?

– Почему бы нет?

Скосив взгляд, я заметила, как он сопроводил свой ответ легким пожатием плеч. На губах его при этом промелькнула едва заметная улыбка, словно он вспомнил вдруг что-то смешное и пытался это скрыть.

– Потому что это не твоя война.

Дима остановился, впери в меня внимательный, умный взгляд.

– Конечно, моя. Ты ведь была со мной.

Этот ответ меня удивил. И смутил одновременно.

Отвернувшись к воде, я склонилась к приятно-прохладному парапету и, опершись на него, коротко поинтересовалась:

– И ты даже ничего не спросишь?

Он оказался рядом, прислонился к камню боком...

– Спрошу, конечно. Хочешь, поедem куда-нибудь в другое место? Я знаю один уютный ресторанчик – попроще этого, конечно, но готовят там прекрасно.

Я не удержалась, взглянула на него с удивлением.

– Хочешь продолжить вечер после всего, что случилось?

– Хочу накормить тебя ужином, как и обещал.

Я коротко мотнула головой.

– Извини, я уже... не голодна. Мне очень жаль, что так вышло...

– Не надо. Ты в этом не виновата.

Мы помолчали несколько секунд: он – ничего не добавил, я – не знала, как закончить это свидание, скатившееся в полную катастрофу.

– Спасибо, – вытолкнула наконец из себя единственное слово.

– За что?

– Ты за меня заступился, несмотря на все эти... некрасивые обстоятельства.

Оттолкнувшись от перил, я бросила на своего собеседника короткий взгляд и неожиданно поинтересовалась:

– Зачем тебе вообще это нужно? Имею в виду, наше свидание...

– А зачем люди, по-твоему, на них ходят?

Его голос прозвучал насмешливо, невольно заставляя посмотреть вновь ему в лицо. Я вспыхнула, заметив, что глаза его тоже смеялись и это зрелище отчего-то заворачивало.

– У всех разные цели, – ответила наконец задумчиво.

– Все просто: Катя предложила познакомить меня со своей подругой, а я – согласился, потому что ей доверяю.

– И был разочарован?

Этот вопрос вырвался сам собой, выдавая всю ту неуверенность в себе, что стала сопровождать меня в последнее время.

Он удивленно приподнял брови.

– Напротив. Ты, судя по всему, весьма интересная личность, если твой муж готов устраивать такие сцены в публичном месте, увидев тебя с другим мужчиной.

Я невесело рассмеялась. Как же он ошибался!

– Мой муж просто хочет сделать мне как можно больнее. Мстит за мои лишние килограммы.

– Тогда он еще хуже, чем мне показалось.

Мы снова умолкли. Было горько и тоскливо сознавать, что была весьма счастлива с Глебом еще совсем недавно, а теперь... мы прикатились вот к этому всему. Не можем даже разойтись как нормальные люди.

– Отвезти тебя домой? – предложил Дима, видимо, почувствовав мое настроение.

– Да нет, я могу вызвать такси...

– К чему такси, если я на машине?

С этим трудно было спорить. Отогнав невеселые мысли, я коротко кивнула. В конце концов, этот человек совсем не заслуживал отторжения с моей стороны.

Я просто слишком поторопилась, вообразив, что могу спокойно жить дальше...

Совсем неудивительным был тот факт, что уже на следующее утро на пороге маминой квартиры нарисовался Глеб Ланской. Я бы, пожалуй, даже разочаровалась, не увидь мужа, едва мы с Тео и мамой позавтракали и счастливый сын в компании бабушки умчался на прогулку.

– Привет, – мрачно поздоровался Глеб и заглянул в квартиру.

Я хмыкнула и сложила руки на груди. Любовника, что ли, моего ищет?

– Можешь зайти в прихожую, – разрешила мужу. – Я как раз собиралась с тобой созвониться, чтобы обсудить наши дальнейшие действия по разводу и разделу имущества.

– Этим займется мой адвокат. Сейчас я за сыном.

Слова Ланского, произнесенные уверенным тоном, выбили почву у меня из-под ног. Я схватила ртом воздух, но быстро мысленно выписала себе оплеуху. Не смей показывать, Оля, что тебе страшно. Если этот человек, который уже натворил дел, решил пойти ва-банк и теперь станет шантажировать тебя Теодором, тебе ни в коем разе нельзя показывать, что ты его боишься.

Запрокинув голову, я расхохоталась. Это ошарашило не только Глеба, но меня – в первую очередь. Потому что смех звучал так, словно доносился из преисподней.

– Думаешь, у твоей Божены сиськи способны вскормить моего сына гораздо лучше, чем мои? – Я снова рассмеялась, на этот раз весело, едва не до слез. – Кстати, это ведь она была с тобой вчера? Ну, точно. Сама, как статуэтка, а грудь – ну чисто Верка Сердючка. Ты поэтому на нее запал? Она ассоциируется у тебя с мамкиной титькой, от которой ты никак не отлипнешь?

Ланской смотрел на меня... странно. В потемневших глазах запылала злость, смешанная... с восхищением. Он словно показывал всем своим видом – перед ним словно бы другая женщина. Незнакомая, к которой он не испытывает того презрения, которое выказал в момент признания в измене.

И я сама уже не была той Олей, хотя и сделала всего лишь один крохотный шаг от себя прошлой.

– Оля... я не хочу, чтобы все было так, – шепнул Глеб и вдруг переступил порог квартиры и, сделав еще один шаг, подошел вплотную ко мне.

Я вполне могла сыграть какую-нибудь роль, чтобы получить максимум из сложившейся ситуации. Устроить так называемое «сахарное шоу». Сделать вид, что иду на все для того, чтобы удержать мужа рядом. Обеспечить его первоклассным обслуживанием во всем, что касалось быта и постели. Притупить бдительность, а когда он решит, что победил, уйти и больше никогда к нему не возвращаться. Пожалуй, для Глеба Ланского это был бы знатный щелчок по носу. Но пока я предпочитала заняться тем, что было главным – своим внутренним состоянием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.